

Юрий ДЮЖЕВ

Юрий Иванович Дюжев родился в 1937 году в Ленинградской области. Литературовед, критик, автор нескольких книг и многочисленных статей по русской советской литературе. Доктор филологических наук. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

“ЭТИ ХАРАКТЕРНО РУССКИЕ ИСКАНИЯ...”

(“Битва идей” в литературе европейского Севера первой половины XX века)

В начале XX века марксизм — идеология тотального переустройства общества — пустил корни и на европейском Севере, где в 1896—1917 годах, по данным историка М. Н. Супруна, активно пропагандировали идеи классовой борьбы более десяти тысяч человек, сосланных сюда, причем пятую часть из них составляли представители российской интеллигенции. Но это была не та патристическая интеллигенция XX века, которая хотела передать все ценности человеческой цивилизации своим потомкам, а “партийная” интеллигенция, свою деятельность всецело подчинявшая политической программе большевизма и отличавшаяся неприязнью к глубинным, истинно народным особенностям национальной культуры. Одним из ее лидеров в вологодской ссылке начала века (1902—1904) был А. В. Луначарский, именно здесь, в Тотьме, написавший “Основы позитивной эстетики” (1904), статьи и рецензии для своего сборника “Этюды критические и полемические” (1905).

Еще будучи в Вологде, А. В. Луначарский на собраниях ссыльных вел “смертельный бой” с Н. А. Бердяевым, отбывавшим северную ссылку в 1901—1902 годах вместе с А. А. Богдановым, Б. В. Савинковым, будущим соавтором Бердяева по сборнику “Вехи” Б. А. Кистяковским, А. М. Ремизовым и П. Е. Щеголевым. Стремление внедрить в русский народный организм идеи тоталитарного коммунизма не могло не вызвать сопротивления Бердяева, который указывал на опасность для России такого сложившегося в течение двух столетий явления, когда

ее “верхний культурный слой ассимилировал все западные идеи”¹.

Между тем провозглашенные большевиками лозунги разжигания классовой борьбы проникали с помощью ссыльных в среду местных журналистов и литераторов. В журналах и газетах, находившихся под контролем социал-демократов и выходивших легально и нелегально в 1904—1909 годах в Архангельске, Вологде и на Мурмане, читателям разъяснялась теория экономического материализма, по которой, согласно учению Маркса, Россия непременно должна пройти через горнило капитализма, прежде чем в ней установится социалистический строй. Марксисты считали своим долгом стать “акушерами” этого неизбежного исторического процесса, помочь капиталистическому строю скорее родиться, устранить остатки старого патриархального быта. Они предоставляли “сентиментальному народничеству” возможность увлеченно воспевать русскую общину и артель, а сами с позиций “трезвого мирозерцания” ратовали за скорейшее обезземливание русского крестьянства, насаждение в России фабрично-заводской промышленности. “Чем хуже, тем лучше, — с проницательностью раскрывал марксистские взгляды С. Венгеров, — чем временно хуже в настоящем, тем скорее наступит в будущем новый экономический строй, основанный на реальной победе рабочего класса”².

¹ Бердяев Н. А. Сочинения. М., 1992. С. 210.

² Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. СПб. 1907. С. 151.

В пропаганде марксизма заметную роль играли члены вологодской колонии ссыльных, а среди них были И. В. Сталин и сестра Ленина М. И. Ульянова. М. И. Ульяновой в 1912–1914 годах пришло восемнадцать писем от В. И. Ленина. В газете “Правда” неоднократно публиковались корреспонденции из Вологодской губернии о тяжелом положении политических ссыльных. На самом же деле атмосфера жизни вологодской колонии ссыльных мало чем напоминала тюремную. Как вспоминал А. М. Ремизов, “все книги, выходившие в России, в первую очередь посылались в Вологду, и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д. В. Философов, он высылал “Мир искусства”, А. А. Шахматов, П. Б. Струве, Д. Е. Жуковский и из Москвы — В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парнжем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно “прямой” провод” (“Север”, 1980, № 5, с. 95).

Осенью 1902 года, по данным исследователя вологодской политической ссылки Ю. В. Розанова, ссыльный Ремизов встретился в Москве с В. Я. Брюсовым, который записал в дневнике: “Пришлось познакомиться мне с целым рядом новых и молодых. Еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там, в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят...” Позднее Брюсов делает еще одну дневниковую запись об этой встрече: “...Виделся с Ремизовым, моим поклонником из Вологды. Пришел к “нам” из крайнего красного лагеря”. Для одного из создателей эстетики символизма Брюсова было удивительным, что союзниками неоромантического движения в художественных исканиях, переоценке всех ценностей оказываются представители “красного лагеря”.

Многим тогда казалось, что индивидуализм и эстетство декадентствующих умонастроений К. Бальмонта, В. Брюсова, З. Венгеровой, З. Гиппиус, Александра Добролюбова, Д. Мережковского, М. Минского, Ф. Сологуба прямо противоположны основанной на постижении социальной действительности практике таких видных представителей литературного марксизма, как В. Вересаев, М. Горький, Е. Чirikов. На самом же деле декадентство и марксизм начала XX века были сходны по преобладающему свойству своего художественного мироощущения. “Конечно, Горький — общественник и марксист, а Бальмонт — индивидуалист и символист, но они, тем не менее, во многом братья по духу, — отмечали дореволюционные историки литературы. — Дерз-

кий вызов марксизма и добрая вера в свои силы, с одной стороны, и с другой — буйные стремления Бальмонта “разрушить здание”, его гордое желание “быть как солнце”, его бурные, глгучие страсти, — все это объединяется в один вызов традициям, условностям и вообще формам буржуазной жизни”³.

И декадентов, и марксистов объединяла не только ненависть к существующему режиму, но и “революционность” в поисках новой эстетики, отличной от главной магистралл движения русской литературы. Будь то точка зрения революционного рабочего класса в литературном марксизме или словесное экспериментирование, фантазматория красок, дерзкая символика в декадентском индивидуализме — оба эти течения, писал С. Венгеров, “примыкают к походу крайних партий против современного общественного устройства... мечтают о полном социальном переустройстве”⁴.

По этой причине свои произведения вологодские ссыльные посылали именно Брюсову, пользовавшемуся среди них авторитетом урбаниста, декадента европейской выучки. Созданный в вологодской ссылке фантастический рассказ Оге Маделунга “Сансара” (после стилистической правки Ремизова отправленный в Москву к В. Я. Брюсову и опубликованный в журнале “Весы”) был проникнут идеями полного освобождения личности от земной морали, от влияния религии, государства, общества и далее от гуманистических традиций русской литературы.

При этом следует уточнить, что марксизм и декадентство только на первых порах встретились как два параллельных течения. Впоследствии они резко разошлись в понимании задач художественного творчества. Это случилось, когда “декадентство доросло до целой эстетической и философской системы в лице модернизма, а марксисты от пренебрежительного отношения к вопросам критики и эстетики перешли к тщательному изучению литературы, с новой точки зрения начали изучать произведения художественного творчества как продукты психики, развивающейся в тех или иных общественных группах”⁵.

Литературный марксизм в своем походе против общественного устройства порывал с такими основными идейными устоями “старой” России, как приверженность чувст-

³ Русская литература XX века (1890–1910). Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. С. 6.

⁴ Венгеров С. А. Основные черты истории новейшей русской литературы. СПб., 1909. С. 83–86.

⁵ История русской литературы XX века. Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Вып. 23. М., 1911. С. 91.

ву патриотизма и государственности, державности; верность православию как основе мировоззрения при терпимости по отношению к другим религиям и конфессиям. Насмешке подвергались те национальные качества, которые формировались многовековым общинным образом жизни: любовь к Родине, чувство товарищества, готовность к самопожертвованию во имя Отечества, стремление к нравственному самосовершенствованию. Ставилась под сомнение сама ментальность большинства русских людей, сохранивших и на рубеже XX века генетический общинный архетип, крестьянский образ жизни. "Деревня" в устах социал-демократов становилась бранным словом, а попытки народников заступиться за крестьянина язвительно именовались "фальшивой идеализацией деревни и романтическими мечтаньями насчет "общинности"⁶.

Максим Горький стал во главе литературного марксизма начала века и наглядно показал своим творчеством, от какого наследства русской литературы отказывается социал-демократия в разжигаемой ею классовой борьбе. "Основные типы Горького, — писал С. А. Венгеров в "Очерках по истории русской литературы" (1907), — создались тогда, когда теоретики марксизма только что формулировали его основные положения. Кардинальная черта марксизма — отказ от народного благочестия перед крестьянством — красной нитью проходит через все первые рассказы Горького. Ему, певцу безграничной свободы, противна мелкобуржуазная привязанность к земле, и устами наиболее ярких героев своих — Пилтя, Челкаша, Сережи из "Мальвы" — он не стесняется говорить о мужике с прямым пренебрежением... Если прежний демократизм русской литературы был порывом великодушного отказа от прав и привилегий, то в произведениях Горького перед нами яркая "борьба классов". Певец грядущего торжества пролетариата нисколько не желает апеллировать к старонародническому чувству сострадания к униженным и оскорбленным. Перед нами настроение, которое само собирается добыть себе все, что ему нужно, а не выклянчивать подачки... Страсть к разрушению ярко проходит через настроение всего творчества Горького".

Именно эта "страсть к разрушению" горьковской прозы поражала воображение молодежи, втягивала ее в революционное движение, создавала культ "буревестника революции" среди провинциальной интел-

лигенции Севера. "Я находился всецело под обаянием творчества Максима Горького, — вспоминал И. Евдокимов на страницах вологодской газеты "Красный Север" (1928, 29 марта), — старался ему подражать и буквально не расставался с зеленоватыми книжками издательства "Знание". Биография Максима Горького, пережитая как воображаемая личная жизнь, конечно, еще более усилила мечту о писательстве..." Молодой вологодский телеграфист установил тесные связи с ссыльными, стал вести пропагандистскую работу и пронес верность марксизму через всю жизнь.

Но попытка И. Евдокимова найти в марксизме альтернативный источник духовных ценностей привела к игнорированию этнических особенностей национального своеобразия, обусловила творческую неудачу многих его произведений.

Неприязненное отношение Горького к "мужику" стало типичным для его литературных последователей на европейском Севере, острее критики направлявших против тысячелетней российской государственности, против "единой и неделимой России" в поддержку всякого оппозиционного и революционного движения.

В Петрозаводске эту миссию выполнял отбывавший ссылку в 1900—1901 годах К. С. Еремеев. Ссылному разрешили работать в губернской земской управе, и свои впечатления о жизни местного крестьянства он излагал в очерках и статьях, публиковавшихся в "Олонецких губернских ведомостях". Уже после отъезда К. Еремеева из Петрозаводска в 1903 год в газете был опубликован принадлежащий его перу очерк "Дедова луда" (№ 10—17) и часть повести "В лесу" (№ 25—26, 28). О социальной направленности прозы К. Еремеева говорят сами названия публикаций: "Темные люди", "Пропащее житье". Автор с раздражением писал в "Очерках народного мирозерцания" о якобы присущей северному крестьянству косности мышления, противодействии "просветительному движению". Отбыв срок ссылки, К. Еремеев покинул Север и стал профессиональным революционером: с 1912 года работал в редакции "Правды", а в октябре 1917 года возглавил штурм Зимнего Дворца в секторе Троицкий мост — Синий мост на Мойке.

В Вологде специалистом по крестьянскому вопросу среди ссыльных считался одесит Борис (Берель) Богданов, который, по архивным документам, бросил учебу в Одесском коммерческом училище, поскольку "желание перевернуть эту империю вверх тормашками пересилило". С середины 1912 года он публиковал статьи в журнале "Се-

⁶ Ленин В. И. От какого наследия мы отказываемся? // Ленин В. И. Избр. пр. в 3-х т. Т. 1. М., 1961. С. 85.

верный Хозяин”, издававшимся Вологодским обществом сельского хозяйства, где работал за скорейший приход капиталистических отношений в северную деревню. Вместе с другим ссыльным В. В. Воровским выпустил книгу “Маслодельные артели Вологодской губернии”. Позднее Б. Богданов, по данным историка Л. С. Панова, участвовал в революционных событиях 1917 года, входил в руководство Петросовета и ЦИКа первого созыва.

В Архангельске в 1915—1917 годах задавал тон революционной поэзии приехавший сюда из Москвы Филипп Степанович Шкулев (1868—1930), автор знаменитых “Кузнецов” (“Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы к счастью ключи!”). Сотрудничая в местной газете “Северное утро”, Шкулев писал объединенные общим названием “Хуже каторги” статьи о полной тяготе и лишениях жизни бедняков. На Север Шкулев приехал с опытом непосредственного участия в баррикадных боях на Красной Пресне, будучи, по его словам, “непримиримым врагом царизма, капитала и попов”, и эту свою позицию, как показал А. Шабунин в книге “Певец труда” (1968), он отстаивал не только в статьях, в злободневных фельетонах и сатирических стихотворениях, публиковавшихся под псевдонимом Дядя Фиша. В январе 1916 года Шкулев стал сотрудником, а позднее — и редактором первого в Архангельске литературно-художественного “журнала смеха и сатиры” “Северное Жало”, а после его закрытия начал издавать “еженедельный журнал смеха и сатиры” “Заноза”, благополучно просуществовавший до февральской революции. Хотя официально Шкулев вступил в партию большевиков только в 1918 году, вся его предыдущая работа в литературе была формой реализации марксистской идеи радикального переустройства России. В опубликованном в сборнике “Под Красным Знаменем” (Архангельск, 1917, вып. 2) стихотворении “Я — раскаленное железо” Ф. Шкулев писал: “Я весь пропитан ядом мести К царящей злобе на земле”.

Это пропитанное ненавистью отношение к судьбе “старой” России, которую “раскаленным железом” якобы надо направлять на праведный марксистский путь, не оставляло поэту-самоучке возможности на основе исторического, духовного опыта народа создать родственную русскому человеку картину духовно-целостного восприятия мира, начать поиски объединяющего начала, которое могло бы быть общей почвой и общей темой для всех русских в предреволюционные годы.

Общей идеей, которая объединила в начале века патристически настроенную ин-

теллигенцию европейского Севера, стало “родноведение”: в 1908 году в Архангельске открылось общество изучения Русского Севера; в следующем году в Вологде — Общество изучения Северного края; в апреле 1913 года в Петрозаводске — Общество изучения Олонецкой губернии. В противовес той российской интеллигенции, которая занималась критикой исторического опыта России, подвергала осмеянию национальное самосознание русского народа и действовала по принципу “чем хуже, тем лучше”, учредители Обществ были безусловно преданы родине и считали своим долгом, как говорили на открытии архангельского Общества изучения Русского Севера известный библиограф и энтузиаст-краевед А. Ф. Шидловский (1863—1942), “воспитать гражданина своей родины в духе добра, света и правды”.

Возникновению Обществ способствовала активная деятельность приезжих исследователей и местных краеведов. В 1898—1899 гг. в целом ряде номеров “Вологодских губернских ведомостей” П. А. Дилакторский (1862—1910) напечатал труд “Вологжанеписатели” (материалы для словаря писателей и ученых, уроженцев Вологодской губернии), который вышел отдельным изданием в Вологде в 1900 году в количестве 50 экземпляров. Дилакторский также собрал материалы для изданного после его смерти Обществом изучения Северного края труда “Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 года”. Как составитель большого “Словаря областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении”, Дилакторский был привлечен академиком А. А. Шахматовым к работе над академическим “Словарем русского языка”. Его энергии хватило и для сбора материалов по этнографическому краеведению. Не удивительно, что именно работы П. А. Дилакторского составили значительную часть Ученого архива Вологодского общества изучения Северного края, насчитывавшего более двухсот рукописей этнографического и культурно-исторического характера. В предреволюционные годы вышло четыре выпуска “Известий Вологодского общества изучения Северного края” со статьями об этнографии, фольклоре, культуре. В 1914 году в Вологде насчитывалось 312 членов общества, из которых большинство по профессии были преподаватели, земские и городские деятели, студенты и лишь трое — крестьяне.

В Петрозаводске, по сведениям историка Н. А. Кораблева, к концу 1914 года в Обществе изучения Олонецкой губернии состояло более 500 человек, в основном служащих губернских и уездных учреждений, а также

учителей. Краеведы сформировали музей и библиотеку, готовили библиографические материалы по Олонии и Северу, опубликовали за пять лет (1913—1917) двадцать выпусков журнала “Известия Общества изучения Олонецкой губернии”, где было помещено более 60 статей по истории, этнографии, археологии, географии, фольклору, топонимике, литературе.

Аналогичный труд — “Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера” — выпускали в Поморье, где в местное общество на 1 января 1915 года записалось 562 человека. Только в 1914 году вышло двадцать номеров “Известий” объемом два печатных листа и тиражом тысяча экземпляров. Местное Общество в 1910 году устроило в Архангельске первую выставку “Русский Север”, имевшую целью ознакомить широкую публику с историей, культурой и экономикой Севера. Совместно с Архангельским и Вологодским комитетами церковно-археологического Общества активно собирались документальные и вещественные материалы, раскрывавшие историю православной церкви на Севере. На их основе в Архангельске создано древлехранилище, ставшее одним из первых в России музейных учреждений подобного типа.

На Кольском полуострове в городе Александровске (ныне — Полярный) создали филиал Архангельского Общества изучения Русского Севера, куда “действительными членами” вошли командир парохода “Мурман” А. Падорин, учитель из поселка Ура П. Антонов, священник из становнища Гаврилово А. Ивановский и другие.

По словам Вл. Трапезникова, выступавшего 22 ноября 1915 года с докладом на заседании Вологодского Общества изучения Северного края, сторонники “родниоведения” ставили своей задачей “сблизить науку с народом и семена научных знаний разбросать по возможности в широкие слои населения. Вы знаете, несомненно, говоря словами поэта, “как архангельский мужик по своей и Божьей воле стал разумен и велик”. Сколько вологодских мужиков обладают тем же пытливым умом, как великий Ломоносов, и однако проходят в жизни, не выбившись из своей среды, “без шума и следа, не бросивши века ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда”? Быть может, ввремя брошенное им семя интереса к окружающему, к родной стране даст тому или иному сыну народа толчок и возбудит в нем жажду познания”⁷.

⁷ Трапезников Вл. Вологодское общество изучения Северного края и его музей как очаги родниоведения. Вологда, 1916. С. 7.

Именно с участия в работе Обществ началось приобщение к творчеству Ивана Ездокимова (опубликовавшего в 1915—1916 годах серию краеведческих брошюр о вологодском иконнике Григории Агееве, старинных красноборских печках, вологодских росписях и т.д.); Бориса Шергина (после незабываемой встречи с М. Д. Криволеновой решившего всерьез заняться фольклором и вошедшего в Комиссию по сохранению древних народных песен Архангельского Общества изучения Русского Севера); Степана Писахова (на организованной Обществом выставке “Русский Север” представившего свои живописные работы).

Один из первопроходцев “родниоведения” на Севере П. Дилакторский показал пример внимательного отношения к “разумному и великому” таланту простых людей, когда одну из своих работ (оставшуюся неопубликованной) посвятил русскому поэту-сатирику XIX века Василию Ивановичу Сиротину (дав и скудные биографические сведения об авторе и процитировав его стихотворения “Вологодский карнавал”, “Что так жадно глядишь на питейный” и “Вечер”), а другую — стихотворцу-крестьянину Николаю Дорогину (1876—1903), застрелившемуся “от неудовлетворенности жизнью” и оставившему после себя бережно сохраненные Дилакторским стихотворения “Спор”, “Бурлаки”, “Деревенский праздник” и “О чем шумят березы”.

К заслугам защитников “родниоведения” относится изучение живых процессов в народной культуре, собиране произведений фольклора, изучение местных художественных традиций с помощью своих специалистов и выдающихся ученых Москвы и Петербурга. Опубликованные до революции А. Марковым, Н. Ончуковым, А. Григорьевым и др. на основе многочисленных фольклорных экспедиций фундаментальные научные издания позволили понять судьбы русского эпоса, раскрыть художественное богатство устного народного творчества. Утвердилось представление о фольклоре как о подлинном и большом искусстве, возникло стремление качественно сблизить фольклор и литературу. Это непосредственно отразилось на творчестве даже тех, кто формально не участвовал в деятельности Обществ (Н. Клюев, А. Чапыгин, А. Ганин), кто входил в литературу с осознанием творческой преемственности художественных традиций.

Два общественных движения на Русском Севере — “родниоведение” и марксизм — имели каждый свой круг покровителей и активистов. Если в рукописи своего “Указателя литературы по Северному краю” Про-

копий Дилакторский цитирует Н. Никифорова (“Северный Вестник” за 1888 год, № 2): “Изучение края — это великая проблема, великая для всякого, кто хочет представлять себе страну гармоническим союзом самоопределяющихся элементов”, то Оге Маделунг в заметках о революционных событиях в Вологде “Перелом”, выпущенных, по информации В. Бондаренко, отдельным изданием в Копенгагене зимой 1909 года, славил интернационализм русских людей, готовых “осуществить свободу, стирающую все границы”. Если П. Дилакторский и его единомышленники работали на благо “малой” родины, то Оге Маделунг революционизировал Россию во имя мировой революции и уже видел, как “в алгой заре будущего огромный силуэт поднимается новое человечество”.

Конфликт между сторонниками “родиноведения” и марксистами в более общем плане был порождением длительной войны в России между старой русской государственностью, культурой — и атеистически-революционным радикализмом, шедшим от декабристов и далее через Белинского и Бакунина к социалистическому мирозерцанию, к порожденному западноевропейским пролетариатом учению о классовой борьбе.

Но, как показал С. Л. Франк, произведенный в 1917 году большевиками переворот не мог быть объяснен ни потрясением, причиненным мировой войной, ни политическими ошибками и недостатками последнего монарха. Истинная и последняя причина катастрофы, по Франку, лежит в глубоком духовном процессе, совершавшемся уже давно в народной душе, когда на смену вере в устройство жизни через подчинение благодетельно-опекающей власти пришло стремление стать хозяином и распорядителем своей судьбы, когда в народной душе угас идеал “царя-батюшки” и учение о классовой борьбе нашло себе почву в чувстве вражды к “барам”: “Бурные волны мужицкого потока затопили и уничтожили не только старые, действительно отжившие слои, но и те обильные молодые ростки, которые были проявлениями самого процесса демократизации России в стадии ее медленного мирного просачивания. Революционная волна, огромная и разрушительная, снесла все, что выросло на почве, уже раньше орошенной приливом, часть которого она сама составляла”^{*}.

Снесла эта волна и Общества изучения Русского Севера, казалось бы, далекие от политики, но враждебные революционной

массе уже по той причине, что им покровительствовали высшая губернская администрация и духовенство.

Революция выявила тот непреложный факт, что деятели “родиноведения” оказались “далеки от народа”, о чем говорил заместитель председателя правления Архангельского общества изучения Русского Севера В. Бартенев на заседании 19 августа 1918 года, состоявшемся в Архангельске во время гражданской войны, когда город заняли войска союзников. Он вынужден был признать, что ставка Общества на “внепартийность”, на отчуждение от “классовых домогательств” была использована большевиками, которые не дали интеллигенции “говорить непосредственно с народом”, перехватили инициативу. В принятой на заседании декларации прокламиналась “ненавистная большевистская власть”, которая “расхитила все народное достояние и оставила нас обобранными”, и выражалась надежда, что с помощью союзников Север выполнит свою почетную миссию — “собрать землю русской, вдохновителя молодой России на новые подвиги”.

С помощью Общества в Архангельске создали “Союз интеллигенции” и “Объединенный комитет Архангельских общественных организаций”, в уставе которого было записано, что он имеет целью “слить воедино и организовать все усилия государственно мыслящих и национально настроенных кругов населения области в борьбе против большевиков”. На заседаниях Общества 27 октября и 1 ноября 1919 года заслушали доклады беженцев из революционной России В. Ф. Држевецкого и А. А. Битриха. Последний, в частности, поделился впечатлениями от увиденного: “...в Москве интеллигенцию заставляют сгребать снег — издевательство над людьми, не привыкшими к такой работе... огромная смертность — не успевают хоронить покойников... не хватает гробов, и по улицам видны подводы, нагруженные трупами, кое-как завернутыми в холст... хлеба нет, но зрелище — сколько угодно... это какой-то пир во время чумы... Максим Горький используется в роли умнотворителя протестующих рабочих; когда не хотят сразу пустить в ход репрессивных мер, то посылают Горького...”⁹.

Свершившаяся в России революция воспринималась ораторами как “бунт рабов”, как абсолютная бессмыслица — с рациональной точки зрения. На самом же деле (и здесь прав С. Л. Франк) большевизм захватил народ своим лозунгом мужицкого само-

^{*} Франк С. Л. Из размышлений о русской революции. “Новый мир”, 1990, № 4, с. 217.

⁹ Год работы: Материалы Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924. С. 5-8.

управления, идеей рабоче-крестьянского правительства, популярностью "советов", что соответствовало стихийным потребностям и инстинктам масс.

Помимо всего прочего, в духовном плане революция стала выражением "глубочайшего кризиса русского религиозного мирозерцания" (С. Л. Франк), и это особенно проявилось на Севере, где с незапамятных времен были сильны идеи старообрядчества. Невозможно понять, почему Н. Ключев после революции стал большевиком, если сослаться только на появление в Вытегре агитаторов. В старообрядческом окружении, из которого вышли в жизнь и литературу Н. Ключев, Б. Шергин, С. Писахов, веками не принимали "новую веру", отторгали дворянское государство и правительственную церковь. По этой причине здесь восприняли революцию как долгожданное наказание "антихристовой идеологии". Но очень скоро крестьянские идеологи поняли, что и "советы", и "рабоче-крестьянская власть" — это всего лишь фикция, что вместе с народом они ослеплены и обмануты большевиками. С момента этого прозрения и началась борьба с деспотичной властью коммунистической бюрократии, завершившаяся трагично для Н. Ключева и А. Ганина.

Что же касается судьбы "родниоведения", то после событий в Архангельске 1918—1920 годов, когда местное общество заняло позицию открытой поддержки белого движения, жить ему осталось недолго. Как только Красная Армия вошла в Архангельск, Общество изучения Русского Севера было распушено. Аналогичные меры были приняты в отношении Общества изучения Северного края в Вологде и Общества изучения Олонецкой губернии в Петрозаводске. Еще несколько лет советская власть терпела существование местных обществ краеведов, а затем и они были закрыты, ибо любовь к "малой" Родине вступала в противоречие с началом новой властью радикальным и планомерным переустройством общества. "Так как элементами социальной ткани являются общественные группы и классы, — писал И. В. Владиславлев в книге "Библиография и социализм" (1928), — то таким образом в поисках движущих сил книжных явлений мы приходим к необходимости изучения этих книжных явлений как производных борьбы классов". Литература становилась частью государственной идеологии, направленной на построение такого социализма, который открыто попирает все права личности.

Горький использовал силу интеллекта для доказательства разумности марксистских постулатов, оправдания ленинских

борьбы с зажиточным крестьянином в период военного коммунизма, сталинского наступления на крестьянский мир России во имя "великого перелома". "Это — переворот почти геологический. — писал Горький Сталину, — и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетиями, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника"¹⁰.

Романтическая вера в нового человека, в святость марксистского коммунистического идеала охватила тысячи выдвиженцев, "людей из народа", которые под руководством партии с фанатическим упорством стали воплощать Марксову утопию в жизнь, разрушая народный быт, землю, души людей. Этот процесс уничтожения строя жизни, существовавшего тысячелетия, был особенно болезненным для европейского Севера, где основу населения составляло крестьянство.

Результаты переписи 1897 года по Олонецкой и Архангельской губерниям были изданы в 1899—1904 годах в шести томах (тетрадах) и продемонстрировали абсолютное преобладание сельского населения. Внимательно изучившая материалы переписи И. П. Покровская показала, что из 50 губерний европейской России Олонецкая (364,2 тысячи человек) и Архангельская (347,5 тысячи человек) были самыми малонаселенными: плотность населения Олонецкой составляла 3,2 человека на одну квадратную версту, Архангельской — 0,5 человека. Среди разбросанных на огромном пространстве деревень (только в Олонецкой губернии было учтено свыше пяти тысяч сельских населенных пунктов, среди которых преобладали мелкие, до двадцати домов в каждом) сиротливо возвышались небольшие провинциальные города, застроенные преимущественно деревянными домами. Петрозаводск, насчитывавший 12,5 тысячи человек, был самым малочисленным из губернских городов европейской части России. Недалеко от него ушел Архангельск (20025 человек). В таких уездных городках, как Олонец, Повенец, Пудож, Вытегра, Каргополь, проживало от тысячи до четырех тысяч человек.

К 1917 году численность населения трех северных губерний, занимавших территорию более 1,2 миллиона квадратных километров, достигла 2,7 миллиона человек: в Вологодской губернии — 1733 тысячи, в Ар-

¹⁰ А. М. Горький — И. В. Сталину. 8 января 1930 г. "Известия ЦК КПСС", 1989, № 7, с. 215.

хангельской — 508 тысяч, Олонекской — 470 тысяч. В Мурманске во время переписи 1920 года было 2487 человек, в январе 1926 года — 7001 человек.

На этих огромных просторах крестьянской вселенной после окончания гражданской войны началось построение государства не во имя процветания страны и ее народа, а во имя построения западного варианта социализма, проповедовавшегося большевиками. Созданная в первые послереволюционные годы командно-бюрократическая система в качестве жертвы исходной идее решила принести деревню с ее общинным укладом, поскольку система идеалов и ценностей социализма, выработанная социал-демократической эмиграцией, игнорировала и презирала мир “крестьянской Руси” с его манерой жизни и шкалой ценностей. “Та совокупность идей и та модель социализма, которые привносились на русскую землю, могли быть приняты люмпенизированной частью населения, но не народом в целом, — пишет академик Никита Моисеев. — Для того чтобы их утвердить в нашей стране, было необходимо физически уничтожить наиболее действительную часть ее народа. Интеллигенцию, предпринимателей, самостоятельных крестьян... — такова логика! Кстати говоря, следующая из марксистского анализа”¹¹. Лица, взявшие власть, не задумывались над уроками развития России, русской цивилизации, спецификой духовной жизни народа. Логика борьбы продиктовала им высылку цвета русской интеллигенции; ликвидацию в конце 1920-х годов движения краеведов; разрушение храма Христа Спасителя, построенного частично на народные деньги в память изгнания Наполеона с нашей земли; повсеместное закрытие церквей и физическое уничтожение православных священников.

После ликвидации нэпа и слоя предпринимателей дошла очередь до крестьянства. Первые попытки практического осуществления ликвидации зажиточных хозяйств были предприняты в годы военного коммунизма — с помощью комитетов бедноты. С началом проведения сплошной коллективизации крестьянских хозяйств власти перешли к ликвидации кулачества административно-репрессивными методами: раскулачиванию, аресту, административной высылке и т.п. В 1930—1931 годах на Урал, в Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток, Колыский полуостров и в другие районы, по данным историка Н. А. Ивнищкого, было выслано примерно 1,5 миллиона человек, в том числе в Северный край — 130 тысяч человек.

Принудительный труд, нечеловеческие условия жизни приводили к эпидемиям, высокой смертности.

Европейский Север из “края непуганых птиц” постепенно превратился в место политической изоляции противников режима. Система ГУЛАГ начала действовать с организации в 1923 году в Архангельской губернии холмогоро-пертоминских лагерей ОГПУ, передислоцированных осенью того же года на Соловецкие острова. Согласно подсчетам историка Г.Н. Лаптева, по состоянию на 1 марта 1940 года ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний и 50 колоний для несовершеннолетних с общей численностью контингента содержащихся в них заключенных в 1668200 человек.

Отбывавший срок в Свирьлаге и Белбалтлаге автор многих трудов по философии искусства, продолжатель русской немарксистской философской школы А. Ф. Лосев (1893—1988), осужденный в 1931 году по делу так называемого “религиозно-политического центра”, писал жене 7 марта 1932 года: “Как только начну подыскивать образ, который бы наиболее точно выразил мое существование, — всегда возникает образ “дрожащей твари”, какой-нибудь избитой и голодной собачонки, которую выгнали в ночную тьму на мороз... Ты пишешь, что в Бутырках ты была с 40 человеками в одной камере в течение нескольких месяцев. А я, родная, до сих пор нахожусь в таком положении, что многие с сожалением вспоминают Бутырки, так как набиты мы (в мокрых и холодных палатках) настолько, что если ночью поворачивается с боку на бок кто-нибудь один, то с ним должны поворачиваться еще человека 4—5...”

Интеллектуальная Россия была принуждена к молчанию, и уже в первые послереволюционные годы тон в литературе стали задавать представители Пролеткульта, отвергавшие роль культурного наследия, национальных традиций, нигилистически относившиеся к русской философской мысли, к тому мировосприятию и образу жизни, которые складывались в России тысячелетиями. На смену Пролеткульту пришла концепция “социалистического реализма”, продолжившая традиции литературного марксизма дореволюционной поры и опять-таки пронизанная неприятием традиционного для России образа мышления и шкалы ценностей.

Та творческая интеллигенция, которая оказалась внутренне не способна принять и не приняла большевизм (Н. Клюев и А. Ганин), погибли в лагерях. Репрессии коснулись и той части писателей, которые были

¹¹ Моисеев Н. Об интеллигенции, ее судьбе и ответственности //Поиск, 1993. № 51. С.14.

готовы сотрудничать и сотрудничали с советской властью, но чья активность не в полной мере была подчинена политической программе большевизма: в годы культа личности они стали жертвами “выкашивания” интеллигенции за неспособность мыслить в рамках заданных трафаретов.

В условиях, когда от старой досоциалистической России вскоре не осталось уже не только помещиков-господ, но и интеллигенции, духовенства, купцов, зажиточного крестьянства, в литературу пришли “люди из народа”, принявшие на веру социализм по Марксу и Энгельсу как высшую социальную добродетель. “В результате новый, революционной рожденный человек не только не страдал от своей духовной ущербности, но, наоборот, полагал, будто ущербны все остальные, живущие иначе... Мы искренне верили, что и другие народы не станут счастливы, пока не поступят, как мы, пока не пойдут за нами, пока не взорвут храмы, не покончат с торговцами, частными ремесленниками, кулаками, пока полностью не уподобятся нам”¹².

Эти “революцией рожденные” активисты партии рассматривали литературу как придаток идеологии и соответствующим образом готовили кадры пролетарской литературы. “Поэзия нового времени должна научить бороться, должна отразить борьбу и создать формы новой жизни, — писал Ф. Чумбаров-Лучинский в мурманских “Известиях” 6 апреля 1920 года. — Отсюда вывод: поэт должен быть и певцом, и борцом, поэт должен стать строителем нового здания социализма”.

Те литературные кружки, группы, ассоциации, что возникали как грибы на европейском Севере в 1920-е годы, были региональными отделениями столичных группировок. И эстетически, и идеологически они зависели от жестких социологических идей, которые вначале выдвигались партией, а затем озвучивались столичными теоретиками Пролеткульта, РАППА и т.д.

Архангельская городская конференция Пролеткульта 25 апреля 1920 года приняла резолюцию, в которой говорилось, что “доставшие нам в наследство культурные ценности должны быть переоценены”. Литературная группа при Пролеткульте, в которую входили И. Бражнин, Д. Ершов, В. Жилкин, Л. Цинковский, подготовила сборник “Красное Поморье” (1920), куда были включены стихотворения, прославлявшие красное знамя костров среди развалин готики и барокко.

В Петрозаводске при гарнизонном клубе

зимой 1919 года организуется литературный кружок из тридцати рабочих, служащих, красноармейцев, ставивших задачей “изучение новейшей пролетарской литературы” и установление связей с петроградским Пролеткультом. В 1922 году выходят три номера литературного журнала “Красный клч”.

В Вологде на общем собрании молодых писателей было решено войти всем составом в Вологодское отделение Всероссийского профессионального союза работников искусства и образовать художественно-литературную секцию, в президиум которой вошли А. П. Германов, А. А. Субботин, А. А. Галкин. Александр Германов называл поэтов “красными вестниками нового месии, вдохновенными пророками грядущих веков”.

В те годы одним из столичных руководителей и главным теоретиком Пролеткульта был Александр Александрович Богданов (1873—1928), отбывавший вологодскую ссылку в 1901—1904 годах. В своих книгах “Искусство и рабочий класс” (1918), “Наука и рабочий класс” (1918), “Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса” (1920) А. А. Богданов называл искусство самым могущественным орудием организации классовых сил, “организации жизни”. Но в отличие от своих последователей, он не доводил идею до крайности, не отрицал культуру прошлого. Этот имидж человека, ратующего за “общечеловеческую культуру”, да еще и вологодского сысльного, северянина, побуждал искать у него поддержки таких далеких от пролеткультовских идей крестьянских поэтов, как Н. Клюев и А. Ганин. По сведениям В. Новоселова (“Север”, 1993, № 10), на сборнике своих стихотворений “Медный кит” (Петроград, 1919) Клюев написал: “Александру Богданову. Послом от Китая пришел я к вам, братья. Воистину он хочет примириться с вами. Николай Клюев”. Другой вологжанин, Ганин, вручил теоретiku Пролеткульта сборник своих стихотворений “Былинное поле” с автографом: “А. А. Богданову в знак глубочайшего уважения, автор. 1924, 3 июня”.

Такого рода автографы свидетельствуют, что в первые постреволюционные годы у крестьянских поэтов еще сохранилась надежда на “примирение” с новой властью, теплилась надежда, что большевики после своей победы в гражданской войне, принесшей России огромные страдания и разочарования, будут работать на благо русского народа, воспринимать Россию сердцем, беречь драгоценную самобытность ее культуры. Но эти надежды в 20-е годы не оправдались, и в провинции широко распространи-

¹² Цинко А. Хороши ли наши принципы? “Новый мир”. 1990. № 4, с. 192.

лась методологическая формула вульгарно-социологического истолкования культуры.

Если в годы гражданской войны стихи Н. Клюева часто появлялись на страницах петрозаводских и вытегорских изданий, то позднее имя поэта было предано забвению. В 1920 году Вытегорский художественный кружок “Похвала народной песне и музыке” выпустил песенник Н. Клюева “Неувядаемый цвет”. В 1921 году Н. Клюев предполагал выпустить сборник избранных стихотворений “Карельский пряник” (которым, по его выражению, “Карелия угостила бы Россию”), но из-за отсутствия средств издать сборник так и не удалось. Вокруг поэта возникла зона враждебности; она была рождена волной разносной критики, утверждавшей, что надо не прощаться со старой деревней, а радоваться ее исчезновению, что певцы крестьянской Руси если и не “кулацкие” писатели, то во всяком случае находятся на обочине литературного развития, ставят палки в колеса общественного прогресса.

“Отлучение” Н. Клюева от литературы Русского Севера сразу сказалось и на ее общем уровне, и на судьбе той традиции крестьянской жизни и культуры, которую “олонецкий ведун” так ярко воплощал в своем творчестве. “Деревни родимой не жаль”, — писала Вера Гордина в стихотворении “Девушке, ушедшей от старого мира” (“Красный клич”, 1922, № 3, с. 9), и эта позиция человека, который мечет копыта и стрелы в свое деревенское прошлое, была в двадцатые годы характерна для многих “пролетарских” авторов.

Летом 1923 года в Архангельске организовалась группа литераторов, принявших платформу пролетарских писателей московской группы “Октябрь”. Председателем группы избрали москвича Б. Рингова, на месте его делами занимался И. Молчанов. В группу входили В. Жилкин, П. Калашников, Ф. Леонтьевский, Г. Шубин. В 1924 году они выпустили в качестве приложения к местной газете “Волна” пятнадцать литературных страниц, называвшихся “Под знаменем Октября”. После отъезда И. Молчанова в Москву группа распалась, и вместо нее был создан 28 декабря 1924 года литературный кружок при газете “Волна”, в который вошли Д. Ершов, В. Жилкин, П. Калашников, Г. Притчин, И. Просвирыков (Онежский бурлак).

В Петрозаводске осенью 1924 года при редакции “Красной Карелии” организован ряд творческих вечеров литераторов и журналистов, а 8 июля 1926 года создана Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП). Через полгода в нее входили 29 человек.

В Вологде на собрании 14 сентября 1924 года создана вологодская группа поэтов и писателей “Борьба” во главе с редактором газеты “Красный Север” А. Субботинным и критиком М. Серебрянским, установившими связь с московской группой “Перевал” и начавшими читку и обсуждение новых произведений.

В Мурманске 17 марта 1929 года состоялось первое занятие литературного кружка при газете “Полярная правда”, в который сразу записалось более двадцати человек. Присутствовавший при сем председатель ВОКП (Всероссийской организации крестьянских писателей) Демидов и позднее через редакцию газеты поддерживал связь с кружковцами, просил присылать ему для прочтения и оценки произведения начинающих литераторов.

Обращает внимание, что на всем европейском Севере литературные объединения начали активно создаваться с осени 1924 года по одной схеме: при областных партийных газетах. Такая синхронность объясняется просто: в мае 1924 года в Москве состоялось совещание “О политике партии в художественной литературе”, созванное ЦК РКП(б), где был заострен вопрос о необходимости “партийного” управления литературой. На первом этапе местных литераторов объединяли в кружки при газетах, на втором — в ассоциации пролетарских писателей, на третьем — в Союз писателей.

Когда в 1927 году была создана Архангельская ассоциация пролетарских писателей, губернский комитет партии принял специальное постановление о ее деятельности, в котором предложил расширить состав за счет новых сил из пролетарской среды, наладить систематическую учебно-воспитательную работу. Под бдительным оком партии находились аналогичные ассоциации в других северных областях, при этом особое внимание обращалось на увеличение числа рабселькоров, “ударников литературы”, чье пролетарское происхождение служило гарантией верной идеологической позиции.

Идеологическое давление на провинциального писателя было намного сильнее, чем на его столичного собрата, а условия для профессиональной деятельности в областной глубинке не существовало. По этой причине в двадцатые годы уехали из Архангельска И. Бражнин, А. Зуев, Д. Ершов, Л. Леонов, И. Молчанов, А. Чуркин, Б. Шергин; из Вологды — А. Ганин, И. Евдокимов, Н. Клюев, А. Пестухин (Ольхон), А. Субботин; из Петрозаводска — А. Куняев, А. Метелкин, Д. Мошинский, Ю. Юрьин; из Мурманска — Вера и Тамара Кетлинские. Все они продолжали разрабатывать “северную”

тематику" и до конца жизни оставались ей верны, однако их отсутствие в провинции усугубляло ситуацию и облегчало губкомом партии решение вопросов по выравниванию "идеологических устремлений" местных литераторов.

В ходе повсеместно проводимой "консолидации" литературных сил в сентябре 1929 года в Петрозаводске прошла первая карельская конференция пролетарских писателей. В Архангельске после образования в 1929 году Северного края, в который вошли Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии и Коми область, начала работать Северная краевая ассоциация пролетарских писателей (СевАПП). В Мурманске секретариатом окружкома партии было утверждено оргбюро Мурманской АПП. Но все это было лишь частью реорганизации управления литературой. Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года "О перестройке литературно-художественных организаций" ассоциации пролетарских писателей были ликвидированы; повсеместно началось создание местных оргкомитетов Союза советских писателей. От литераторов требовали овладеть методом социалистического реализма, основные принципы которого были сформулированы в принятом на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934 год) уставе. В мае 1934 года в Петрозаводске прошла Всекарельская конференция, а в декабре 1940 года — Первый съезд советских писателей Карело-Финской ССР. В Архангельске в мае 1935 года состоялся съезд литераторов Северного края.

Писатели тридцатых годов с жизнеутверждающим, оптимистическим пафосом воспевали нового человека, который героически спасал в пургу стадо оленей в тундре, внедрял невод особой конструкции в Белом море, разбивал ботанический сад за Полярным кругом. "Победительная" интонация в изображении ускоренного развития Севера стала пропуском на страницы газет и журналов и поощрялась Горьким, призывавшим писателей "быть проводниками самой великой истины, которой так гениально, так мощно служили Маркс, Энгельс, Владимир Ильич Ленин, а теперь служит Сталин"¹³. Во время своей поездки в июне 1929 года через Карелию на Соловки и в Мурманск Горький всюду обращал внимание на "огромнейшую и прекрасную" работу по изменению лица России. В написанных по итогам поездки очерках "Соловки" и "На краю земли" Горький дал образцы проповеднической публицистики, переполненной восхищения сози-

дательными, организующими силами партии большевиков.

Вслед за Горьким многие писатели-северяне тридцатых годов злоупотребляли декламацией, общими фразами, нарочито выпячивали "великий перелом", избегали говорить о драматических коллизиях реальной жизни. Рождение культа личности Сталина сопровождалось созданием системы жесткого контроля за печатью, проверкой на лояльность вступавших в Союз писателей, а пнакомыслие стало рассматриваться как политическое (контрреволюционное) действие.

Казалось, что к середине тридцатых годов на развалинах России выросло то самое "интернациональное" государство, о котором мечтала в начале XX века "партийная" интеллигенция, решительно порывавшая со всеми традициями, чтобы очистить место для наступления нового Царства. Однако осуществление социалистической утопии обернулось для нее горьким разочарованием. Отбросившая вековую мудрость церкви, дух традиционного христианства русского народа, "партийная" интеллигенция стала послушным орудием большевистской диктатуры, а ее мечты о свободе, равенстве и братстве погасли в лагерях и подвалах ЧК.

Но русская религиозная преемственность сохранила место и в условиях полицейской бюрократии, низкопоклонства перед вождями. Религиозно-философскую мысль, вплоть до своей гибели в Сибири в 1937 году, нес "олонецкий ведун" Н. Клюев. Выступил против проповеди классовой борьбы А. Ганнин и был приговорен к расстрелу за сочиненный им манифест русских патриотов. Вечной истине христианского откровения всю жизнь был верен Б. Шергин, в своих книгах последовательно проводивший мысль о восстановлении преемственности прошлого страны. С. Писахов в своих сказках обратился к северной деревне в поиске вечных ценностей, уходящих корнями в русский исторический и культурный опыт. Неизменность крестьянской психологии и культуры, национальное своеобразие русской жизни раскрыл в исторических романах А. Чапыгин. Их произведение выламывались из системы социалистического реализма, наводя английского исследователя Филиппа Льюиса на мысль, что "все наиболее русское является наименее советским".

Будучи представителями интеллигенции, вышедшей из народа, А. Ганнин, Н. Клюев, Б. Шергин, С. Писахов, А. Чапыгин через жизненный опыт революции убедились в нигилизме официального мировоззрения, требовавшего служения человечеству на ос-

¹³ М. Горький о литературе. М., 1955, с. 633.

нове материалистического отрицания всех духовных ценностей. Но такие же процессы поиска идейного обоснования и осмысления жизни, жажды новой, более глубокой веры, чем казенное коммунистически-атеистическое мировоззрение, шли и в молодом писательском поколении. Уже в 1923 году в статье “Из размышлений о русской революции” С. Л. Франк писал, что среди молодежи, впервые начавшей жить уже после революции и в ее атмосфере, отмечается “жажда перенесения “революции” с социально-политической области в область духовную... эти характерно русские искания веры... идут в направлении, прямо противоположном прежнему... через жизненный опыт революции и духовную реакцию на нее идет процесс духовного созревания и пробуждения народного сознания, рождения в нем подлинной творческой зрительной настроенности”.

Радикальное осуждение всего “деревенского”, высмеивание “варварства” мужицкой России было неприемлемо для тех молодых писателей, выходцев из села, кто из жизненного опыта знал: деревня — это не только “тьма”, но и проявление подлинного коллективизма. Здесь он встречался с земляками, достойным уважения, исполненным непоказной гордости за свой земледельческий труд, ощущал себя звеном большой цепи предков, сотни лет живших на северной земле и выстоявших в суровых природных условиях. Поэтому все чаще в литературе европейского Севера стали звучать голоса молодых поэтов и прозаиков, подмечавших в человеке на земле присущее ему истовое трудолюбие, нравственную чистоту.

Рассматривая сложную динамику перемен в литературном регионе европейского Севера, следует иметь в виду, что после революции здесь сохранялось относительно независимое существование традиций и современности во взаимно изолированных средах. В этих условиях происходила “консервация” прежних духовных ориентаций и психологических установок у значительной части крестьянского населения. Не удивительно, что ряд произведений прозаиков-северян отличал акцент на “природно-социальной” стороне характера — та особенность, которая выделена исследователями ранней советской прозы у А. Неверова в книге “Гуси-лебеди” (1918—1923), В. Иванова в “Партизанских повестях” (1921—1923), Л. Сейфуллиной в “Перегное” (1922) и “Вирнее” (1924), Л. Леонова в “Барсуках” (1924). Исходной данностью характеров были устойчивость и негибкость перед силой обстоятельств, всепоглощающая верность земле, перед лицом которой “все

люди равны”. Такое повышенное внимание к “природно-биологической стороне” человека вступало в противоречие с общей схемой движения, навязанной литературе принятой 18 июня 1925 года резолюцией ЦК РКП(б) “О политике партии в области художественной литературы” и Уставом Союза советских писателей. Но никакие преследования не могли помешать национально мыслящим авторам обратить свои взоры в сторону духовного, национального и культурного возрождения России.

Разрушив старое общество, уничтожив верную патриотическим идеям интеллигенцию, большевики в ходе культурной революции стали ускоренными темпами создавать новую русскую культурную элиту с надеждой, что она ни на минуту не будет сдавать позиций коммунизма. Свои усилия советская власть направила на преодоление неграмотности, создание полиграфической базы в провинции. В Петрозаводске, по сведениям историка А. И. Афанасевой, общий объем книжно-журнальной продукции издательства “Кирья” в 1932 году составлял 67 названий с тиражом 248 тысяч экземпляров, а в 1936 — уже 221 название с тиражом 643,7 тысяч экземпляров. Русские писатели Карелии имели возможность публиковать произведения в сборниках “К 10-летию Карелии” (1930), “Плечом к плечу” (1932), “Наступление” (1935), в журнале “Ударник слова” (1932), в альманахах “Начало” (1934—1935) и “Карелия” (1937—1938); с июля 1940 года начал издаваться ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей “На рубеже”.

В Архангельске в 1932 году разовый тираж 89 газет Северного края равнялся 306 тысячам экземпляров. В годовом плане краевого издательства числилось 262 названия со средним объемом в 3,75 печатного листа и со средним тиражом в шесть тысяч экземпляров каждого издания. Архангельские и вологодские писатели получили возможность публиковаться в литературно-художественных и общественно-политических ежемесячных журналах “Социалистический Север” (1931—1932) и “Звезда Севера” (1932—1935).

Однако при всех успехах культурной революции не оправдались надежды “коммунистов-интернационалистов” на то, что новая русская писательская элита поддержит революционный порыв поколения основателей советского коммунизма, которые видели Октябрь, породивший советское государство, как первый этап мировой пролетарской революции. Даже при наличии у большинства новых членов Союза писателей ев-

ропейского Севера партийных билетов русская национально-государственная идея продолжала питать их вдохновение и проливаться в разных формах на страницы художественных произведений. Возрождение русского национального самосознания подкреплялось чувством величия державы, успехов нового общества, в создании которого русский народ с первых дней революции нес основную тяжесть.

К тому же к концу тридцатых годов изменилась и позиция правящей партии в национальном вопросе. Если в первые годы советской власти, когда ее целью было привлечение национальных меньшинств на сторону большевиков, она опасалась русского национализма как возможной опоры контрреволюции, то по мере приближения второй мировой войны и нарастания угрозы советскому режиму стала возрождаться концепция великого государства, наделенного исторической миссией, где русские по праву являются державным народом. Много позднее, в 1994 году, Г. Зюганов признал, что «отбросив форму, Советская власть вместе с тем довольно быстро унаследовала у исторической России как нравственные идеалы,

так и ее державный опыт в постройке мощного государства. Великая Отечественная война стала на этом пути переломным моментом, после чего наиболее пронизательным анализом стало ясно, что процесс — пусть медленный и болезненный, но неуклонный — возвращения России на путь своего исторически преемственного развития набирает силы»¹⁴.

Такой же — пусть медленный и болезненный — процесс возвращения к русской традиции XIX века, к высшим святыням русской прозы, поэзии, философии наблюдался и в русской литературе европейского Севера, чей ствол, рассеченный революцией, вопреки всем невзгодам сохранил жизненные соки, творческие и созидательные силы. Пройдя через разрушительную для России революцию, потрясшую страну до основания, литература с особой силой осознала величие традиций отечественной культуры, которая всегда оставалась хранительницей и созидательницей духовного богатства русского народа.

¹⁴ Зюганов Г. Взгляд за горизонт. «Обозреватель», Москва. 1994. № 18, с. 144.

Главный редактор О. Н. ТИХОНОВ

Редакционная коллегия: Д. М. БАЛАШОВ, Д. А. ВЕРЕСОВ, Е. В. ГАБОВА, Ю. И. ДЮЖЕВ, В. П. КРЫЛОВ, В. С. МАСЛОВ, О. И. МИШИН, С. А. ПАНКРАТОВ, С. С. ПРОНИН, И. К. РОГОЩЕНКОВ, В. В. СЕРГИН, Г. Г. СКВОРЦОВА, В. П. СУДАКОВ (отв. секретарь), А. П. СУРЖКО (зам. главного редактора, зав. отделом прозы), З. К. ТАРЛАНОВ.

Техн. редактор В. Н. КУРИННАЯ

Корректоры Н. Д. ГУСАРОВА, Л. А. ШАНАНИНА

Адрес редакции: 185670, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 13. Телефоны: 77-47-36 (гл. редактор), 77-48-05 (зам. гл. ред., отв. секретарь, отдел прозы, отделы публицистики и поэзии, отдел критики).